

У.К.Ч. Гатри. *История греческой философии*

Т. 4. Платон. Человек и диалоги. Перевод с английского Н.М. Селивёрстова под редакцией В.В. Прокопенко. СПб.: Владимир Даль, 2023

Для цитирования: Наранович, С.В. Рецензия на книгу *История греческой философии*. Т. 4. Платон. Человек и диалоги, У.К.Ч. Гатри. *Историко-философский ежегодник* 38 (2023): 410–418.

For citation: Naranovich, Stanislav V. Review of *A History of Greek Philosophy*. Vol. 4. *Plato. The Man and Dialogues: Earlier Period*, by W.K.C. Guthrie. *History of Philosophy Yearbook / Istoriko-filosofskii ezhegodnik* 38 (2023): 410–418. (In Russian)

Поступила в редакцию / Received: 31.08.2023

Принята к публикации / Accepted: 01.09.2023

У. К.Ч. Гатри (1906–1981) – шотландский историк античной философии, автор последней на сегодняшний день многотомной истории греческой философии, написанной не в соавторстве, как принято в последние десятилетия, а одним человеком, в духе монументальных трудов XIX в. На русском шеститомник Гатри выпускается издательством «Владимир Даль», в данной рецензии мы рассмотрим четвертый том, перевод которого вышел в 2023 г., оригинал – в 1975-м. Это первый из двух томов, посвященных Платону, в нем рассматриваются 16 диалогов, распределенных по четырем группам: «Апология Сократа», «Критон», «Лахет», «Лисид», «Хармид», «Гиппий больший», «Гиппий меньший» и «Ион»; «Протагор», «Менон», «Евтидем», «Горгий» и «Менексен»; «Федон», «Пир», «Федр»; «Государство». Когда пишутся эти строки, издательством гото-

вится к выходу пятый том, посвященный остальному творчеству Платона.

Если объектом предыдущей нашей рецензии¹ было не столько содержание, сколько перевод и его редаKTура, низкое качество которых не оставляло возможности читать текст, не отвлекаясь постоянно на многочисленные ошибки и неточности, то объем их в четвертом томе, по крайней мере, не таков, чтобы книгу, стоящую в магазинах более 4 тысяч рублей, хотелось бы не дочитывая захлопнуть и подпереть ей что-нибудь, как в случае с третьим томом, стоящим на данный момент немногим меньше. Однако украшением книжной полки, оправдывающим свою цену, он тоже не станет, поскольку дефектов в нем все же немало – укажем на некоторые из них, прежде чем высказаться о самой работе Гатри.

Дж.А. Стюарт <...> писал об историках, что философ «для них – это мертвый анатомический объект, а не живой человек» и что по сравнению с философами «они антиквары, а не апостолы (disciples)». С другой стороны, о Стюарте профессор Аллен заметил, что его работы не являются адаптацией неокантинца Наторпа (his work was not only an adaptation of the Neo-Kantian Natorp, but <...>), но «он воображает, что Платон предвосхитил не только Канта, но и Бергсона <...>» (с. 19).

Трудно понять, почему disciples здесь «апостолы», а не просто «ученики» или «последователи». О Стюарте Аллен писал, конечно, противоположное: его работа является не только адаптацией Наторпа, но (более того) Стюарт считал, что Платон предвосхитил не просто Канта (как считал, собственно, Наторп), но также Бергсона и пр.

Спевсипп, полагаясь, как говорит Апулей, на domestica documenta, хвалит его [Платона] сообразительность, скромность как мальчика (praised his quickness of mind and modesty as a boy) и «первые плоды его юности, принесенные упорным трудом и любовью к учению» (с. 28).

¹ С.В. Наранович, Рецензия на книгу *История греческой философии*. Т. 3. *Софисты. Сократ*, У.К.Ч. Гатри. *Историко-философский ежегодник* 37 (2022): 449–457.

Спевсипп не хвалит какую-то особую платоновскую «скромность как мальчика», он говорит, что Платон был сообразительный и скромный в детстве, вот и все. Цитируемый далее трактат «Платон и его учение» можно было бы дать по имеющемуся переводу Ю.А. Шичалина, но переводчик зачем-то решил перевести Апулея с английского.

К сожалению, это далеко не единственный случай вторичного перевода древних текстов в книге. На с. 116, например, цитируется «Апология Сократа» Ксенофонта в переводе с английского (что видно невооруженным глазом по калькированному синтаксису) вместо замечательного перевода С.И. Соболевского. Регулярно встречаются и другие непрямые «переводы» источников, в том числе и главного цитируемого автора – Платона.

Несколько озадачивает перевод функций греческих падежей *instrumental dative* и *dative of accompaniment* на с. 179 как «творительный дательный» и «сопроводительный дательный» вместо более-менее общеупотребимых «дательного инструментального», или «дательного орудия», и «дательного сообщества» соответственно.

По поводу данного диалога [«Лисида»] существует множество мнений, и если высказать свое, то я просто считаю его неудачным. Даже Платон мог бы на это кивнуть в знак согласия (*Even Plato can nod*) (с. 214).

Конечно, очень занимательно представить Платона, который поддакивает автору – да-да, так себе диалог я написал, – но речь идет всего лишь о том, что даже Платон может зазеваться или промахнуться, написав неудачный диалог.

Предупреждение против полагания на сходство [*warnings against relying on resemblances*] при игнорировании различий неоднократно встречается в его [Платона] более поздних сочинениях (с. 251).

Начало этого предложения похоже на топорный перевод какого-нибудь немецкого диалектика XIX в., хотя Гатри просто говорит, что Платон, впервые критикуя в «Хармиде» сократовскую аргументацию по аналогии, предупреждает против того,

чтобы полагаться на одно только сходство между некоторыми областями знания. Подобных случаев калькированного перевода, лишённого литературной редактуры, в четвертом томе, увы, хватает.

Поскольку (although) добродетели не являются врожденной частью человеческой природы, они в некоторой степени присутствуют в каждом, кто жив и не является изгоем общества (с. 323).

Далеко не единственный в книге пример того, как неправильным переводом одного союза извращается смысл всего предложения: добродетели не являются частью человека → они присутствуют в каждом. Конечно, на самом деле тут не «поскольку», а «хотя».

[«Менексен»] в основном состоит из речи, состоящей с публичным панегириком в честь павших в Коринфской войне, который планировалось произнести после заключения Анталькидова мира в 387 г. до н.э. Поэтому диалог «сам себя точно датирует» (Wikam., *Pl. I*, 269), принимая во внимание (on the assumption) то, что он не имел бы смысла, не будь обнаружен ко времени (at the time) (с. 464).

On the assumption – это «при условии», т.е. если мы верим в то, что диалог не имел бы смысла, не будь он опубликован at the time – в это время, т.е. в районе 387 г. «Публичный панегирик» – плеоназм, публичность заложена внутри самого слова «панегирик».

На с. 481 после объяснения, что «Федон», «Пир» и «Федр» рассматриваются в одном разделе, так как в каждом описывается «вечный мир трансцендентного бытия»:

В этом все достигает завершения, хотя каждое остается уникальным (all culminate in this, yet each remains unique) (с. 481).

Что «всё» и что «каждое»? По-видимому, предыдущее предложение было столь длинным, что переводчик забыл, что речь шла о причинах, почему три диалога объединены, – именно они выступают подлежащим этого предложения. Все они достигают кульминации в вышеописанном, однако каждый из них при этом остается уникальным.

Аристотелевская критика с позиций здравого смысла этой «диффузной (watery)» (ὕδαρής) привязанности в «Политике», 1262b15, хорошо известна (с. 707).

Трудно сказать, что может заставить перевести прилагательное ὕδαρής, первое значение которого в словарях – «водянистый» и которое самим Гатри переведено watery, как «диффузный». Снисходительный читатель скажет, что это мелочь, но в совокупности с другими подобными мелочами возникает вопрос о компетенции переводчика и/или редактора в греческом.

Мы вполне можем понять изумление Главкона, когда он услышал, что Благо – «за пределами Бытия», но Платон имеет в виду что-то вроде этого (but what Plato has in mind is something like this) (с. 745).

Что-то вроде чего? В оригинале говорится «но что Платон имел в виду что-то вроде следующего», после чего идет предположение Гатри.

Греция Платона, по-видимому, была знакома с кукольным театром теней, наподобие современных турецких мини-спектаклей (playlets) Карагез, реинтродуцированных (reintroduced) в Грецию под турецким именем (с. 760).

«Реинтродуцированный» – интересное переводческое решение. Почему бы не перевести еще playlets как «плэйлетс», а puppet – как «паппет»?

Ему [идеальному полису], по словам Сократа, было бы все-таки лучше, а если отталкиваться от философских допущений Платона, то не менее реально оставаться в качестве идеального образа гармонии, которая должна господствовать в полисе и (что более важно в силу названной предпосылки) в индивидуальных характерах (с. 764).

Понять платоновское «Государство» в оригинале проще, чем начало этого предложения. «Ему было бы лучше <...>, а если <...>, то <...> не менее реально оставаться идеальным образцом»? Что это значит?

При желании список таких ошибок и погрешностей перевода и редактуры можно было бы расширить многократно. Подытоживая, можно сказать, что чаще всего четвертый том наследует низкому качеству перевода третьего а) непониманием значений простейших слов, б) калькированным переводом без литературной редактуры, который делает даже элементарные предложения маловразумительными.

Теперь несколько слов о самой книге, достоинства которой перевод все же при определенном терпении позволяет оценить. Едва ли нужно говорить, что за прошедшие полвека она перестала быть up-to-date компендиумом мнений в платоноведении, каковой отчасти задумывалась автором, который, по собственным словам, «приложил все силы, чтобы осветить множество разнообразных точек зрения, с которых смотрели на Платона». Тем не менее в той мере, в какой Гатри ссылается на «немеркнущие произведения Грота, Целлера, Гомперца и им равных», а также на крупнейших историков философии XX в., его работа представляет наилучший срез состояния платоноведения на 1975 г. Поэтому в учебных целях и для составления общего впечатления она до сих пор остается незаменимым подспорьем для студентов и любого читателя, приступающего к изучению Платона.

Приведем в качестве примера разительно отличающихся мнений цитируемые Гатри оценки «Горгия» (пунктуация русского издания сохранена): «“Юношеское произведение <...> тягучее <...> расплывчатость выдает руку подмастерья” (Taylor А.Е. *PMW*, 103); “относится к величайшим, с точки зрения художественного совершенства, диалогам Платона” (Lodge G. *Gorg.*, 25)» (с. 421). О «Менексене»: «Ч.Г. Кан (*CP*, 1963): “Политический памфлет, написанный из глубокой лояльности к благороднейшим традициям Афин <...>”; Г. Властос (*Isonomia*, 22–23): “Платон пародирует прославление Афин в патристической риторике”» (с. 478). О «Протагоре»: «Тэйлор (*PMW*, 20 и 235), рассуждая о совершенстве и жизненности драматической портретики, утверждал, что “Протагор” не может быть ранней работой, поскольку это “величайшее произведение искусства”. Напротив, Адам (*Prot.*, xxxiv) считал, что “драматическая страстность” и другие черты диалога – “все указывает

на сравнительно раннюю дату» (с. 70). О «Гиппии большем»: «Одни не видят здесь и следа развитого платонического учения об идеях, другие находят его настолько полно выраженным, что берутся доказать, что диалог написан позже “Федона”, “Государства”, “Пира” и “Федра”» (с. 280).

Читая приводимые Гатри точки зрения, порой поражаешься, как одни и те же элементы того или иного диалога, относящиеся к стилю или содержанию, сподвигали историков философии на диаметрально противоположные оценки (что не мешает им, конечно, находиться в консенсусе по ряду принципиальных вопросов – делаю эту оговорку специально на тот случай, если читатель ненароком подумает, что в платоноведении царит релятивизм и нам ничего не известно о том, в чем заключалось учение и философская позиция Платона). Помимо этого разнообразия мнений, книга ценна, разумеется, и наблюдениями самого Гатри. Если оперировать делением на девелопментализм и унитаризм, нашего автора можно охарактеризовать как умеренного девелопменталиста:

Читатели Платона всегда будут делиться на две школы: одна предпочитает не усматривать в ранних диалогах учение, изложенное в более поздних, если оно не выражено буквально, а с точки зрения другой, их следует интерпретировать в свете такого учения на основании намеков, оброненных Платоном, когда по драматическим или иным причинам он не хотел высказываться открыто <...>. В данном томе мы придерживаемся скорее первой стратегии: не принимать во внимание больше, чем сказано в диалоге или можно обоснованно из него вывести, обходясь без привлечения всей платоновской философии, как она выражена в других местах (с. 228–229).

Гатри воздаст должное стилометрии, однако больше его интересует внутренняя логика развития платоновского учения. Прочитав критика девелопментализма Шори, Гатри пишет, что «тем не менее трудно себе представить, чтобы критерий философского развития, поверяемый, разумеется, любым другим доступным свидетельством, был бесполезен в руках добросовестного ученого» (с. 75).

Замечательна позиция Гатри по отношению к известной нам, в частности на основе VII письма, биографии Платона. С одной стороны, он полагает, что письмо написал сам Платон «или, если угодно, его близкий друг, который был в курсе его мыслей» (с. 34). Как пишет он в отношении VI письма, «если это письмо не принадлежит Платону, то хотелось бы иметь в своем распоряжении больше произведений этого неизвестного автора, который писал, как Платон в своей наилучшей форме» (с. 98). Гатри может соотносить хронологию диалогов с тремя поездками Платона на Сицилию, связывать пифагорейское влияние на философа с его первым визитом в южную Италию или рассуждать о взаимосвязи между сицилийскими поездками и содержанием «Государства». И все же, когда речь идет об учении Платона, он обращается к биографическим свидетельствам крайне умеренно, не выстраивая на их основании аргументацию. Как говорит он по поводу попыток некоторых ученых (энтузиазма которых не разделяет) пролить свет на философию Платона исходя из редких упоминаний о его «неписаном учении»: «диалоги – это Платон, а Платон – это диалоги» (с. 17).

При рассмотрении же диалогов Гатри далек от сухого разбора одних только аргументов в духе некоторых англоязычных историков философии второй половины XX в., обращая внимание на драматический элемент и то, «как тщательно Платон выбирает обстоятельства и персонажей диалога, чтобы они соответствовали той аргументации, которую он намерен развернуть» (с. 539). Стоит также упомянуть о форме изложения – помимо вводных разделов, касающихся аутентичности, датировки и драматических обстоятельств (драматическая дата, место действия, персонажи), комментарию предшествует подробный пересказ диалога (и только в случае с «Государством» они слиты воедино). Эти подробные пересказы могут показаться излишними, однако они закладывают необходимое основание и контекст для комментария, поэтому смотрятся вполне органично, хотя разделы с собственно комментарием, конечно, представляют наибольшую ценность.

Как и предыдущие тома «Истории греческой философии», этот богат на множество пронизательных наблюдений – формат нашей рецензии и формат самой книги, посвященной более

чем дюжине диалогов, не позволяет отразить их в совокупности. В заключение позволю себе поделиться личной историей, послужившей еще одним свидетельством платоноведческой разногласности. Не так давно я обсуждал VII письмо с выдающимся отечественным историком античной философии. Он не признавал его аутентичность, и одним из его аргументов было то, что Платон – тонкий стилист, избегающий грубых повторов, тогда как в VII письме практически дословно (хоть и с интересными различиями) цитируется «Государство». Вскоре после этого разговора у Гатри, который неоднократно подчеркивает писательские дарования Платона, я прочел: «Читая Платона достаточно интенсивно, чтобы о нем писать, можно усвоить хотя бы одно: это был закоренелый повторитель самого себя – вплоть до монотонности».

С.В. Наранович

РГГУ

125047, ул. Чайнова, д. 15, корп. 7, г. Москва, Россия
snaranovich@gmail.com